* * *

Рогатко С. А. История продовольствия России с древних времен до 1917 г. Историко-экономический взгляд на агропромышленное развитие Российской империи. [Т. 1] М.: Русская панорама, 2014. — 1024 с. + 80 вкл.
ISBN 978-5-9316-5306-8

И. А. Кузнецов

Игорь Анатольевич Кузнецов, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: repytwjd68@mail.ru.

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-1-140-147

Рецензируемая книга представляет собой добротно изданный толстый том увеличенного формата (почти 90 печатных листов) — из тех, что, как говорится, приятно взять в руки. Привлекает необычное заглавие: история продовольствия, кажется, еще не становилась предметом изучения в отечественной историографии.

Как сам автор определяет свой предмет и в чем видит свои задачи? «Говоря об объектах и предметах исследования, — пишет он во введении, — хотелось бы остановиться на основном принципе, который лег в основу данной исследовательской работы. Это, в первую очередь, регионально-отраслевой подход к развитию всех агропромышленных и продовольственных проблем, которые волновали наш народ на протяжении более чем тысячелетней истории развития Российского государства» (с. 10). Далее автор еще раз повторяет свое стремление к всеобъемлющему охвату ни много ни мало *всех* аспектов истории сельского хозяйства и пищевой промышленности: «В данном труде (впервые в исторической науке) осуществлена попытка осветить все проблемы, касающиеся продовольственной тематики» (с. 11) и ниже: «...в данном понимании понятие продовольствие пищевыми продуктами населения России включает весь диапазон проблематик, начиная от вопросов землевладения и землепользования, государственного участия и регулирования в решении многих законодательных и структурных проблем до торговых отношений с готовыми пищевыми продуктами общественного и индивидуального питания населения» (с. 12). Определенную исследовательскую задачу, проблему автор не формулирует. Он перечисляет ряд своих предшественников — специалистов разных отраслей знания, писавших в основном в конце XIX — начале XX века, чьи труды им используются. Как можно понять, автор видит новизну своей работы главным образом в ее обобщающем характере.

Обобщать есть что. Кроме краткого введения книга содержит 12 глав, заключение, приложения (статистические таблицы) и вкладки с иллюстрациями на мелованной бумаге (64 страницы черно-белых и 16 страниц цветных). Каждая глава посвящена истории определенной отрасли пищеперерабатывающей промышленности и соответствующей отрасли сельского хозяйства (если таковая имелась) на территории Российской империи в границах 1917 года за максимально продолжительный период. Так, глава 1 «Хлебная и мукомольно-крупяная промышленность» включает в себя материал не только по истории мукомолья и хлебопечения, но и по истории земледелия, землевладения, зернового производства и хлебной торговли. История животноводства вошла в две главы: 2 «Мясная промышленность» и 3 «Молочная промышленность». В следующих главах история сельского хозяйства уходит на задний план, уступая место промыслам, собственно промышленности и торговле. Автор пытается держать в поле зрения одновременно и технико-технологический аспект, и экономический, а в ряде сюжетов основное внимание уделяет истории законодательного регулирования той или иной отрасли. Далее следуют глава 4 «Маслобойная промышленность», посвященная растительным маслам (животные масла включены в предыдущую главу) и выращиванию масличных культур; 5 «Рыбная промышленность» — очерк истории рыболовства и рыбной торговли с древнейших времен; 6 «Холодильная промышленность» — очерк технических приемов, применявшихся для охлаждения продуктов с древности, и сведения о развитии холодильного дела в конце XIX — начале XX века; 7 «Винокуренная промышленность» — помимо технико-экономических сведений здесь излагается большой материал по истории правительственной политики; 8 «Виноделие»; 9 «Пиво и медоваренная промышленность»; 10 «Солеваренная промышленность»; 11 «Сахарная промышленность» — здесь автор возвращается и к сельскому хозяйству в части возделывания свеклы. Глава 12 «Прочие (второстепенные) сельскохозяйственные и пищеперерабатывающие отрасли» включила в себя картофелеводство и переработку картофеля, кондитерскую промышленность, производство уксуса, горчицы, минеральных вод и некоторых других напитков, а также торговлю чаем, так называемыми колониальными товарами и др.

Работа, проделанная автором, несомненно, велика и заняла не один год. Книга насыщена и даже пересыщена различным фактическим материалом. Общие сведения из истории сельского хозяйства, техники, права, экономической истории чередуются с описаниями технологических процессов производства и переработки продуктов, со статистическими выкладками, цитатами из законодательных актов и разного рода официальных документов с изложением частных историй бизнеса различных лиц и фирм, возникавших между ними конфликтных ситуаций и тяжб и т. п. По своему характеру книга представляет собой компиляцию из большого чис-

ла работ предшественников и найденных автором архивных материалов. Метод автора, по существу, тот же, что и у средневековых летописцев. При этом все заимствования корректно отмечены ссылками. Число ссылок — несколько сотен на каждую главу.

Чрезвычайная широта темы, практически неподъемная для одного исследователя, и использование преимущественно старой литературы приводят к тому, что книга С. А. Рогатко в ряде случаев воспроизводит чужие ошибки или давно устаревшие сведения.

Например, уже в самом начале главы 1 читатель встречает странное утверждение, что «пшеница, кукуруза, рожь, рис и другие виды злаков распространились по всему свету из процветающих государств в Средней Азии» (с. 17). Курьез, да и только! Родиной кукурузы является Америка. Происхождение ржи до сих пор спорно. Ареал одомашнивания пшеницы и ячменя современные специалисты находят в районах так называемого плодородного полумесяца, простирающихся вдоль восточного берега Средиземного моря через горы северной Сирии и Ирака на юг, по долине Тигра и Евфрата до Персидского залива; датируется этот процесс периодом неолита, когда «процветающих государств в Средней Азии» и в помине не было[1]. Ляпсус автора объясняется просто: он в данном случае взял абзац из книги, вышедшей в 1890 г., добавив зачем-то от себя слова «процветающих государств в»[2]. Между тем о распространении сельскохозяйственных культур на территории древней и средневековой Руси существуют специальные исследования археологов (они работают по данной проблеме особенно активно со второй половины XX века)[3], которые, кажется, не известны автору рецензируемой книги. Столь же странно выглядят и ссылки на материалы раскопок лишь «первой половины XIX века» в разделе по древней истории скотоводства (с. 132).

Из авторской трактовки «Русской правды» читатель может узнать, что в Древней Руси «существовали „межи ролейные“, то есть межи, произведенные опаливанием для отделения землевладений одной семьи от другой, а также „дуб знаменный“, то есть межа, сделанная затяпыванием или зачерчиванием» (с. 18). Здесь все перепутано так, что без комментария читателю не разобраться: «межой ролейной» в древности называли границу земельного участка, обозначенную пропаханной бороздой, а «дуб знаменный» — это именно дуб, выбранный как самое долговечное дерево в качестве

1. См.: *Zohary D., Hopf M., Weiss E.* (2012). Domestication of plants in the Old World, 4th ed. Oxford: Oxford Univ. Press.
2. *Белов А.И.* (1890). Историко-статистические очерки производства пищевых продуктов. СПб. С. 8.
3. *Кирьянова Н.А.* (1992). Сельскохозяйственные культуры и системы земледелия в лесной зоне Руси XI–XV вв. М.: Институт археологии РАН; История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Т. 1. М.: Наука, 1987; Т. 2. М.: Наука, 1990 и др.

пограничного знака, на который, очевидно, наносились некие соответствующие отметки. Вызывает недоумение, что для составления страниц по землевладению и земледелию Киевской Руси автор использовал диковинный источник — текст ранних лекций Н. А. Рожкова, литографированных еще в 1904 году. Между тем по этому вопросу существует огромная специальная литература.

На с. 23 обращает на себя внимание своеобразная трактовка автором термина «зеленое удобрение», «т.е. удобрение, запаханное некоторыми злаками после своего выхода». Во-первых, злаки пахать не умеют, пашут люди, а во-вторых, сидераты запахиваются перед посевом основных культур, а не после их «выхода». Еще одна странная фраза на той же странице: «В 1830-х годах завершился процесс общинного землепользования среди крепостных крестьян» (с. 23) — оставляет лишь недоуменный вопрос. Возможно, в этой фразе пропущено ключевое слово?

Объясняя сущность традиционного трехпольного севооборота на Руси, автор приводит позаимствованную в одной из книг табличку, из которой следует, что навоз вносился на яровое поле (с. 37), что является ошибкой. Однако спустя несколько страниц (с. 46) у него идет другой фрагмент, из которого явствует, что навозили все же пар, готовя его к посеву озимых, что правильно. Характерно, что автор не замечает противоречия в своих источниках.

Повествуя об изобретениях жатвенных машин, он сообщает: «В 1822 г. в Европе появилась первая машина Ogleset Bronn'а с запряжкой лошадей сбоку» (с. 73). Снова досадная ошибка. Мифический Ogleset Bronn — это в действительности два человека, англичане из Ремингтона: учитель Генри Огль и его компаньон механик Браун[4]. В труде нашего автора этот ляпсус помечен ссылкой на дореволюционную сельскохозяйственную энциклопедию.

Там, где автор отходит от компилирования и пытается дать собственную трактовку описываемым процессам, можно заметить, что он склонен преувеличивать прогрессивность российского земледелия. Так, внедрение в практику плодосменной системы он относит к 1830-м годам, говоря, что она «особенно распространилась в центре России», правда, в качестве примера приводит лишь фамилии четырех использовавших ее помещиков (с. 23). В действительности всплеск интереса к плодосмену в 1830-е годы был не более чем модным поветрием, которое охватило «просвещенных» землевладельцев, надеявшихся увеличить свои доходы, но за редким исключением понесших убытки на экспериментах, так что никакого подлинного *распространения* плодосменной системы в России не произошло. Рогатко утверждает: «В России начиная с первой половины XIX в. для уборки травы и хлебов были распространены косилки (ручные и конные), жнеи-косилки, жнеи с ручным (лобо-

4. *Ефимов С.* (1937). История развития зерновых уборочных машин // История техники. Вып. VI. М. — Л.: ОНТИ. С. 25–26.

грейки) и механическим сбрасыванием, жнеи-сноповязалки, гидеры (колосоуборки) и стриперы (жнеи-молотилки)» (с. 73). На самом деле в первой половине XIX века эти орудия были не только *не распространены*, а большей частью еще и не изобретены. «С появлением волостного земства стали также быстрее решаться вопросы покупки машин и мелкими крестьянскими хозяйствами», — продолжает наш историк на с. 78, говоря о 1880-х годах, видимо не зная, что *волостного* земства в царской России не существовало. Земства были на уровне губерний и уездов, вопрос о создании волостных земств не раз поднимался, но отклонялся царским правительством.

Примеры частных ошибок в книге можно умножить, приведенные выше бросились в глаза лишь при беглом знакомстве. Можно сказать, что столь масштабный труд не может быть свободным от досадных частных погрешностей, и их наличие не является мерой оценки всего труда. Однако возникает вопрос: не стоило ли автору ограничить свой размах, чтобы сделать более качественную работу, хотя бы и меньшего масштаба?

Сводится ли вся книга только к компиляции, есть ли самостоятельная авторская работа, новая информация? Есть. Во-первых, это вставки из архивных материалов. Однако архивный материал использован без должного анализа, в качестве пространных иллюстраций. То же относится и к статистическим таблицам в примечаниях — отрывочные цифровые сведения за отдельные годы, извлеченные из отдельных дел Российского государственного исторического архива и Центрального государственного архива Москвы, они не привязаны к тексту и не «работают» в нем. Замечу, что некоторые из этих данных, например по статистике скотоводства начала XX века, тогда же были опубликованы в статистических ежегодниках и нет необходимости ссылаться на архив.

Во-вторых, это авторские периодизации. На них стоит остановиться. Каждая глава завершается краткой «исторической периодизацией отрасли». Причем материал в тексте не группируется по этим периодам, они даются в конце как некий итог «исследования». В наименованиях периодов используется традиционная для советской историографии терминология «формационного подхода», однако в специфической интерпретации. Так, история хлебной и мукомольной промышленности делится на пять периодов: 1) древнерусский (с V–VI вв. до XII в.); 2) феодальный (с XII–XIII вв. до конца XVII в.); 3) капиталистический (с начала XVIII в. до 1860-х гг.); 4) промышленно-капиталистический (1860-е — 1905–1906 гг.); 5) индустриальный или «2-й промышленно-капиталистический» (с 1905–1906 гг. до 1917 г.) (с. 117). Из текста невозможно понять, что автор подразумевает под феодализмом и капитализмом, на каком основании относит к капитализму эпоху расцвета крепостного права, почему капиталистических периодов здесь целых три и чем отличается «2-й промышленно-капиталистический период» от первого, если в нем лишь продолжались те же тенденции?

Примечательно, что история мясной промышленности периодизируется иначе: 1) феодальный период (с X–XI вв. до начала XVIII в.); 2) капиталистический (с начала XVIII в. до 1861–1882 гг.); 3) финансово-промышленный (с 1861–1882 до 1913–1914 гг.) (с. 205). Число периодов сократилось, исчез древнерусский, появился новый термин «финансово-промышленный», верхняя граница «капиталистического» периода стала размытой.

История молочной промышленности снова демонстрирует теоретические новации автора: 1) период натурального хозяйствования («с первых веков древней Руси до конца XVIII в.»); 2) капиталистический (с конца XVIII в. до 1890–1894 гг.); 3) кооперативно-промышленный (с 1894 г. по 1920-е гг.) (с. 265). Как видим, здесь феодализм как таковой исчез, капитализм начался почти на век позже, чем в мясной промышленности, и затем был, очевидно, преодолен кооперацией.

В следующих главах число периодов варьируется от трех до пяти, их названия видоизменяются. Любопытна терминология периодизации солеваренной отрасли: 1) древний/раннефеодальный (XI–XV вв.); 2) феодальный (XVI–XVII вв.); 3) государственно-капиталистический (начало XVIII в.— 1863 г.); 4) капиталистический (1863 г.— конец XIX в.); 5) индустриальный (конец XIX в.— 1917 г.) (с. 781–782). Здесь, как видим, феодализм чрезвычайно задержался в своем формировании, но прошел быстро, государственный капитализм почему-то предшествовал просто капитализму, а индустриальный период оказывается как бы уже не капиталистическим.

Допустим, хронологические границы периодов в каждом отдельном случае имеют основания в эмпирическом материале, однако жонглирование терминами, думается, свидетельствует об отсутствии у автора внятной методологии.

В-третьих, книгу венчает заключение. Здесь видны характерные приметы собственного авторского стиля: тяжелый язык и некоторая невнятность мысли. «Экономическая основа товарно-денежного отношения в древней феодальной агропромышленной интеграции базировалась на производстве сельскохозяйственного сырья, как главного пищевого рыночного продукта» (с. 987) — что это значит? О какой агропромышленной интеграции идет речь в эпоху, когда не существовало индустрии? Почему «сельскохозяйственное сырье» называется «пищевым рыночным продуктом»? Почему «товарно-денежное отношение» в единственном числе?

Далее в том же духе: «Рыночные предложения пищевых продуктов базировались как на внутрикорпоративных технологических традициях архаичной продовольственной корпорации, так и на тех привнесенных стандартах качества, которые приходили на Русь с Востока и Запада» (с. 988). Автор явно склонен наделять общепринятые термины, такие как «агропромышленная интеграция», «продовольственная корпорация», «рыночное предложение» и др., некими собственными смыслами, проникнуть в которые читателю

сложно. Более или менее ясно только, что понятие «агропромышленная интеграция», возникшее во второй половине XX века, обозначает у него не процесс сближения сельскохозяйственного производства с перерабатывающей промышленностью, характерный для определенного этапа развития производства и рынка, а скорее некий извечно существующий институт.

Итоговый тезис выражен таким образом: «Огромный, возможно, самый богатый в мире агропромышленный потенциал России никогда, ни в какие этапы российской истории, начиная с древних времен до 1917 г., полностью не был использован» (с. 998). И вывод, и его формулировка также рождают вопросы: какими объективными показателями определяется мера использования агропромышленного потенциала, каким образом можно сравнивать его использование в разные исторические периоды или в разных странах? Ответов на них в работе нет. Неопределенность выдвигаемых утверждений не дает возможности ни согласиться с ними, ни оспорить их.

С большей ясностью высказана авторская позиция в вопросе о цивилизационных особенностях России и русских (славян, евразийцев). Автор убежден, что им присуща особая система ценностей: «К концу XIX — началу XX в. эти ценности можно было поставить примерно в такой ряд: служение царю, государству при определенной социальной справедливости, православной вере, а также наличие семейного благополучия, которое вмещало в себя кроме нравственной категории — семейного счастья также и материальный фактор — семейный достаток. В свою очередь, семейный достаток слагался из жилищного благополучия и других материальных благ, где питание семьи занимало, пожалуй, одно из последних мест» (с. 996). Отметим, что данные заключения не являются выводом из проведенного автором исследования, а представляют лишь проекцию его собственных мировоззренческих установок. С их помощью он, в частности, пытается объяснить недостаточность и невысокое качество питания в России: «...скорее всего благодаря влиянию религиозно-этнических традиций на развитие евразийского населения вообще вопросы питания уходили как бы на задний план. Или по крайней мере так было принято их воспринимать в обществе» (с. 996). Ниже мысль развивается: «...у славянских народов было все иначе. Так как в системе ценностей материальное благополучие, а значит, и питание у них было на последнем месте, то и отношение к продовольствию в государстве у ее (так в тексте. — *И. К.*) граждан и властей было, если можно так выразиться, „особенное“. Эта особенность заключалась в небрежении ко всему материальному вообще, в противовес к духовно-нравственным ценностям» (с. 997). Грамотность хромает, но мысль понятна. Из особых ценностей россиян автор выводит и преобладание в России посевов «дешевых сортов ржи и ячменя», которые русские просто «любили сеять» (с. 996), и даже такое отмеченное им явление: «Также если немецкая свинина или курятина на лондонском рын-

ке в конце XIX — начале XX в. славилась своим внешним товарным видом, то русская была безобразная на вид, но откормленная на натуральном зерне» (с. 996). Думается, дальнейшие комментарии излишни.

Нет сомнений, что автор рецензируемой книги — человек неравнодушный к проблемам современной России и увлеченный ее историей, вложивший в свою работу много времени и сил. Однако его труд в целом несет на себе печать дилетантизма. Книга имеет не исследовательский и не обобщающий, а именно компилятивный характер. Поскольку в ней добросовестно воспроизводятся материалы источников, она может использоваться в качестве своеобразного исторического справочника, может быть, даже энциклопедии, но вряд ли более того.

Rogatko S. A. History of Russian Food from Ancient Times to 1917: A Historical-Economic Approach to the Agro-Industrial Development of the Russian Empire

Igor Kuznetsov, PhD (History), Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, prosp. Vernadskogo, 82. E-mail: repytwjd68@mail.ru.

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-1-140-147